

Дюшу. Ги де Мопассан

Спускаясь по большой лестнице клуба, нагретой калориферами, точно теплица, барон де Мордиан не запахнул шубы; вероятно, поэтому, когда за ним затворились входные двери, он почувствовал сильный озноб, внезапный мучительный озноб, от которого становится тоскливо, словно от горя. К тому же барон был в проигрыше, да и желудок у него с некоторых пор что-то стал пошаливать, не давая ему покутить в полное удовольствие.

Он направился было домой, но вдруг представил себе свою огромную пустую квартиру, лакея, дремлющего в прихожей, туалетную, где теплая вода для вечернего умывания тихонько булькает на газовой грелке, широкую старинную кровать, торжественную, точно катафалк, и эта мысль пронизала его до глубины души холодом, еще более мучительным, чем уличная стужа.

Вот уже несколько лет он испытывал томительную тяжесть одиночества, подчас так угнетающую старых холостяков. Когда-то был он сильным, бодрым, веселым, отдавал дни спорту, а ночи кутежам. Теперь он отяжелел и почти совсем утратил вкус к наслаждениям. Прогулки утомляли его, ужины и даже обеды вызывали недомогание, женщины настолько же его раздражали, насколько привлекали прежде.

Унылое однообразие вечеров, одни и те же приятели, которых он встречал все в том же клубе, та же игра с переменным успехом, те же разговоры о тех же предметах, те же остроты из тех же самых уст, шутки на те же темы, злословие по поводу одних и тех же женщин — все это ему так опротивело, что порой он серьезно подумывал о самоубийстве. Ему становилась невыносима эта размеренная и пустая жизнь, такая пошлая, легкая и в то же время утомительная; его смутно тянуло к какому-то тихому, мирному уюту.

Разумеется, он и не помышлял о женитьбе, потому что боялся обречь себя на скуку, на супружеское рабство, на несносную совместную жизнь двух людей, настолько изучивших друг друга за долгие годы, что всякое слово уже предугадывается, всякий жест ожидается заранее; людей, все мысли, желания и мнения которых давно известны обоим. Он считал, что с женщиной приятно иметь дело, только пока ее мало знаешь, пока в ней есть что-то таинственное и неизведанное, пока она остается слегка загадочной и волнующей. Словом, ему нужна была семья, которая, собственно, не была бы его семьей и где он мог бы проводить только часть своего времени. И с новой силой им овладела мысль о сыне.

Последний год барон беспрестанно думал о нем, испытывая нетерпеливое, все растущее желание его увидеть и познакомиться с ним. Этот сын родился в дни его молодости, при драматических и трогательных обстоятельствах. Ребенок был отправлен на юг и вырос где-то недалеко от Марселя, так и не узнав имени своего отца.

Отец платил сначала помесечно кормилице, затем помесечно за обучение в коллеже, потом оплачивал его содержание во время каникул и наконец дал обеспечение для подходящего брака. Посредником служил молчаливый нотариус, который ни разу ни о чем не проговорился.

Барону было известно только, что его сын живет где-то в окрестностях Марселя, слывет умным и образованным человеком, женился на дочери архитектора-подрядчика и стал его преемником. Говорили также, что он недурно зарабатывает.

Почему бы ему не навестить неведомого сына, не называя себя, чтобы сначала присмотреться к нему и удостовериться, нельзя ли при случае найти в этой семье тихое пристанище.

Ведь в свое время он выказал щедрость, дал богатое обеспечение, принятое с благодарностью, следовательно, он мог быть уверен, что не наткнется на чрезмерную гордость. Эта мысль, это день ото дня возраставшее желание съездить на юг преследовало его, как навязчивая идея. Барона охватывало непривычное для него умиление при мысли об уютном солнечном домике на берегу моря, где он найдет молодую, хорошенькую невестку, где внучата бросятся к нему на шею, где он увидит сына — живое напоминание о прелестном и мимолетном любовном приключении давних лет. Он жалел только, что дал уже так много денег и молодой человек не нуждается: это лишало Мордиана возможности предстать в роли благодетеля.

Он брел, размышляя обо всем этом, уйдя с головою в меховой воротник; и вдруг у него созрело решение. Мимо проезжал фиакр; он окликнул его, велел ехать домой и, когда заспанный лакей отворил ему двери, сказал:

— Луи! Завтра вечером мы едем в Марсель. Пробудем там, может быть, недели две. Приготовьте все необходимое.

Поезд мчался вдоль песчаных берегов Роны, мимо желтых полей и веселых деревень, пересекая обширную равнину, обрамленную вдалеке голыми склонами гор.

Барон де Мордиан, проведя ночь в спальном вагоне, поутру с грустью рассматривал себя в маленьком зеркальце несесера. При беспощадном свете юга обнаружились морщины, которых он не видел у себя до сих пор, — признаки одряхления, незаметные в полумраке парижских квартир.

Разглядывая уголки глаз, помятые веки, облысевшие виски и лоб, он думал: «Черт побери, я не только потрепан. Я просто состарился».

И в нем усилилось стремление к покою вместе со смутным, впервые зародившимся желанием покачать на коленях внучат.

Наняв в Марселе коляску, он подъехал около часу пополудни к одному из тех южных загородных домов, которые так сияют белизной в глубине платановых аллей, что слепят глаза и заставляют жмуриться. Шагая по аллее, он улыбался и думал: «А здесь славно, черт побери!»

Вдруг из кустов выскочил мальчуган лет пяти-шести и застыл у дороги, уставившись на чужого господина круглыми глазенками.

Мордиан подошел поближе:

— Здравствуй, малыш!

Мальчишка не отвечал.

Барон нагнулся и взял его на руки, чтобы поцеловать, но сразу же задохнулся от запаха чеснока, которым ребенок, казалось, был насквозь пропитан, и, поспешно опустив его на землю, пробормотал:

— О, это, наверное, сын садовника!

И направился к дому.

Перед самыми дверьми сушилось на веревке белье — рубашки, салфетки, тряпки, фартуки и простыни, а гирлянды носков, висевшие рядами на протянутых одна над другой веревках, заполняли все окно, точно выставка сосисок на витрине колбасника.

Барон позвал.

Появилась девушка, типичная прислуга-южанка, грязная и растрепанная; волосы космами падали ей на лицо; юбка, потемневшая от множества пятен, сохранила от своего прежнего цвета что-то яркое, кричащее, вызывавшее в памяти деревенскую ярмарку и балаганные наряды.

Барон спросил:

— Господин Дюшу дома?

В свое время, шутки ради, насмешливый повеса Мордиан дал эту фамилию брошенному ребенку, чтобы не было сомнения, что его нашли в капусте[1].

Служанка переспросила:

— Вам кого, господина Дюшукса?[2]

— Да.

— Так он в зале, планы свои чертит.

— Доложите, что его хочет видеть господин Мерлен.

Она с удивлением сказала:

— Да чего же вы? Входите, коли желаете его видеть. — И крикнула: — Господин Дюшукс! К вам гость!

Барон вошел — и в большой комнате, затемненной полупритворенными ставнями, смутно разглядел неряшливую обстановку и неопрятных с виду людей.

Стоя перед столом, заваленным всевозможными предметами, маленький лысый человек что-то чертил на большом листе бумаги.

Он прервал работу и шагнул навстречу.

Распахнутый жилет, расстегнутые брюки, засученные рукава рубашки доказывали, что ему очень жарко, а по грязным башмакам было видно, что несколько дней назад шел дождь.

Он спросил с сильным южным акцентом:

— С кем имею честь?..

— Мерлен... Я пришел посоветоваться с вами относительно участка для постройки.

— Ага! Очень хорошо!

И Дюшу обернулся к жене, которая что-то вязала в полумраке:

— Освободи-ка стул, Жозефина.

Мордиан увидел молодую женщину, уже увядающую, как увядают провинциалки в двадцать пять лет от недостатка ухода, внимания к себе, педантичной чистоплотности, всех тех кропотливых ухищрений женского туалета, которые сберегают свежесть и сохраняют до пятидесяти лет очарование и красоту. На плечах у нее была косынка, волосы кое-как закручены — прекрасные густые черные волосы, но, по-видимому, плохо расчесанные; закрубелыми, как у прислуги, руками она убрала с сиденья детское платьице, ножик, обрывок веревки, пустой цветочный горшок, грязную тарелку и пододвинула стул гостю.

Он сел, и ему бросилось в глаза, что на рабочем столе Дюшу, кроме книг и чертежей, лежат два свежесорванных кочешка салата, миска, головная щетка, салфетка, револьвер и несколько невымытых чашек.

Архитектор уловил его взгляд и сказал с улыбкой:

— Извините, в гостиной не совсем прибрано; все из-за ребят.

И он придвинул стул, чтобы поговорить с клиентом.

— Итак, вы хотите подыскать участок в окрестностях Марселя? — От него тоже шел чесночный дух, который источают все южане, как цветы — благоухание.

Мордиан спросил:

— Это вашего сынишку я встретил под платанами?

— Да. Вероятно, второго.

— У вас их двое?

— Трое, сударь, все погодки.

И Дюшу, казалось, весь раздулся от гордости.

Барон подумал: «Если все они испускают такой же аромат, их спальня, должно быть, настоящий парник».

Он продолжал:

— Да, мне хотелось бы приобрести красивый участок на берегу моря, в уединенном месте.

Дюшу пустился в объяснения. Он мог предложить десять, двадцать, пятьдесят, сто и даже больше подобного рода участков, на разные цены, на всевозможные вкусы. Его речь лилась непрерывным потоком; он самодовольно улыбался, вертя своей лысой круглой головой.

И Мордиану вспомнилась маленькая белокурая женщина, тоненькая, чуть печальная, которая так нежно произносила: «Любимый мой», — что от одного воспоминания кровь его быстрее текла по жилам. Она любила его страстно, безумно целых три месяца, потом забеременела в отсутствие своего мужа, губернатора какой-то колонии, и, потеряв голову от ужаса и отчаяния, уехала из города и скрывалась до самых родов; ребенка Мордиан унес от нее в тот же вечер; и больше они его не видели.

Она умерла от чахотки три года спустя, где-то там, в колонии, куда уехала к мужу. И вот перед ним стоял их сын и говорил металлическим голосом, отчеканивая последние слоги:

— Такой участок, сударь, это исключительный случай...

А Мордиану вспоминался другой голос, легкий, как дуновение ветерка, шептавший:

— Мой любимый! Мы не расстанемся никогда...

И, воскрешая в памяти тот голубой, нежный, глубокий, преданный взгляд, он видел перед собой круглые, тоже голубые, но пустые глаза этого смешного человечка, чем-то похожего, однако, на мать...

Да, он напоминал ее с каждой минутой все больше и больше; он походил на нее интонациями, жестами, манерой держаться, как обезьяна походит на человека; ведь он был ее сыном, она передала ему множество своих черт в искаженном виде — неоспоримых, раздражающих, несносных. Барон страдал, преследуемый этим ужасным, все возрастающим сходством, удручающим, сводящим с ума, мучительным, как бред, как угрызения совести!

Он пробормотал:

— Когда мы с вами могли бы посмотреть этот участок?

— Да хоть завтра, если угодно.

— Давайте завтра. В котором часу?

— В час дня.

— Отлично.

В дверях появился встреченный в аллее мальчик и крикнул:

— Папанька!

Ему не ответили.

Мордиан поднялся с места, до дрожи в ногах испытывая желание скрыться, убежать куда глаза глядят. «Папанька» сразило его, как пуля. Ведь и сам он мог бы услышать это разящее чесноком южное «папанька».

О, как нежно благоухала она, подруга давних лет!

Дюшу вышел проводить его.

— Этот дом ваш собственный? — спросил барон.

— Да, сударь, я купил его недавно. И горжусь им. Ведь я подкидыш, сударь, и не скрываю этого, напротив, горжусь. Я ничем никому не обязан, я всего добился сам, своим трудом.

Малыш, остановившись на пороге, все еще кричал издали:

— Папанька!

Трясаясь, как в лихорадке, охваченный ужасом, Мордиан бежал, как бегут от смертельной опасности.

«Сейчас он догадается, узнает меня, — думал барон. — Он схватит меня в объятия и тоже крикнет мне «папанька» и вlepит мне в лицо чесночный поцелуй».

— До завтра, сударь.

— До завтра, в час дня.

Коляска катилась по белой дороге.

— Извозчик, на вокзал!

И барону слышались два голоса: один, далекий и нежный, слабый и печальный, — голос покойницы, шептавшей: «Любимый мой», и другой, звонкий, тягучий, от которого содрогалась душа; он кричал; «Папанька», как кричат «Держите его», когда вор убегает по улице.

На следующий день вечером, у входа в клуб, граф д'Этрельи сказал ему:

— Вас что-то не было видно последние три дня. Вы были больны?

— Да, мне нездоровилось. Время от времени меня мучает мигрень.

Примечания

Напечатано в «Голуа» 14 ноября 1887 года.

1 Фамилия Дюшу от французского du chou — капустаный.

2 — Вам кого, господина Дюшукса? — Служанка, жительница французского юга, произносит в фамилии Дюшу не выговариваемый на севере Франции последний согласный звук — икс.